

кинообслуживания (в том числе графики работы кинопередвижек) (20, л. 289; 7, л. 23; 5, л. 34, 35; 17, л. 177; 14, л. 105; 8, л. 27, 58). В фонде Камчатского обкома КПСС отдельными делами сформированы «Докладные записки, справки, отчеты, обзоры о состоянии кинообслуживания в области» за 1942–1945 гг. (4), «Докладные по вопросам пропаганды и агитации» за 1943 г., содержащие информацию о работе библиотек (49). В материалах Камчатского облисполкома встречаются отдельные документы, которые в краткой форме раскрывают работу учреждений культуры: например, доклад заведующего отделом народного образования Камчатского облисполкома на VII сессии 17 февраля 1944 г. один из разделов которого называется «Сведения о массовой работе политико-просветительных учреждений Камчатской области за 1942–1943 годы» (16, л. 101–106). Кроме содержания непосредственно массовой работы, в разделе приводятся данные о сети просветительных учреждений: их количество от 1941 к 1944 гг., состояние материальной базы, обозначена кадровая проблема, кратко охарактеризована работа отдельных библиотек и изб-читален.

Таким образом, весь комплекс представленных источников в фондах Государственного архива Камчатского края содержит различную по полноте и степени достоверности информацию. Тем не менее, он отличается разнообразием, возможностью сопоставления полученных данных и позволяет охарактеризовать деятельность учреждений культуры на Камчатке в годы Великой Отечественной войны.

1. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. М. : Военное издательство Министерства обороны СССР, 1970. 460 с.

2. ГАКК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 612.
3. Там же. Д. 579.
4. Там же. Д. 505.
5. Там же. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 150.
6. Там же. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 80.
7. Там же. Д. 101.
8. Там же. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 129.
9. Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 201.
10. Там же. Д. 203.
11. Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 116.
12. Там же. Д. 134.
13. Там же. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 110.
14. Там же. Д. 93.
15. Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 89.
16. Там же. Д. 93.
17. Там же. Д. 94.
18. Там же. Ф. Р-121. Оп. 1. Д. 38.
19. Там же. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 26.
20. Там же. Ф. Р-222. Оп. 1. Д. 12.
21. Там же. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 22.
22. Там же. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 4.
23. Там же. Д. 5.
24. Там же. Д. 5а.
25. Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 42.
26. Там же. Ф. Р-273. Оп. 1. Д. 9.
27. Там же. Ф. Р-352. Оп. 1. Д. 3.
28. Там же. Ф. Р-352. Оп. 1. Д. 3.
29. Там же. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 1а.
30. Там же. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 2.
31. Там же. Д. 13, 15, 17, 19, 21.
32. Там же. Д. 91.

33. Камчатская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов Государственного архива Камчатской области. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, 1975. 334 с.

34. Камчатская область в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн. Сборник документов Государственного архива Камчатского края 1939–1945. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2010. 492 с.

Ю. А. Стоянов КАМЧАТКА ГЛАЗАМИ Г. А. САРЫЧЕВА и Г. И. ЛАНГСДОРФА

Сопоставляя тексты Г. А. Сарычева и Г. И. Лангсдорфа о Камчатке, мы, не останавливаясь на деталях путешествий этих двух ученых, сосредоточимся на их мыслях, касавшихся благоустройства полуострова.

Г. А. Сарычев (1763–1831) окончил Морской кадетский корпус в 1781 г., когда стал мичманом, но уже со времени своего производства в гардемарины, тремя годами ранее, он много плавал по Балтийскому, Белому и другим морям северной Европы. В 1785 г. И. И. Биллингс организовал экспедицию, целью которой было исследование Сибири. Тогда же Сарычев вошел в ее состав как командир судна «Ясашна» и в 1802 г. описал это, продолжавшееся до 1793 г., путешествие (1).

Проделав весьма сложный путь по сибирским землям, Биллингс со своей командой к октябрю 1789 г. достиг Авачинской губы. Сарычев весьма скрупулезно описал почти все географические объекты, находившиеся близ Петропавловской гавани, и особо подчеркивал удобное расположение огромной упомянутой губы. Петропавловск предстал пред ним таким: «Строения в двух местах; обывательских деревянных домов 12 и между ними несколько балаганов; деревянный дом и в прежнюю экспедицию построенные командором В. Берингом магазинны, которые довольно еще крепки. Жители здешние: 11 камчадалов, армейский прапорщик и 23 человека казаков. Положение места около гавани гористое, однако, можно на северной и восточной ее стороне построить еще до 300 домов» (1, с. 165).

Далее следуют описание р. Паратунки и подробности того, как участники экспедиции благоустроивали сам Петропавловск. В декабре 1789 г. участники экспедиции совершили поездку в Большерецкий острог, где царило запустение не меньшее, чем в Петропавловске. Из всего виденного Сарычев счел важным отметить только деревянную церковь, которую построил еще Беринг. Из Большерецка часть экспедиции отправилась назад в Петропавловск, а часть продолжила путь по маршруту: Начикинский острог – Апачинский острожек – Нижнекамчатский острог, в котором «имел место пребывания главный начальник над Камчаткою» (1, с. 176), далее опять к Большерецку и окончательно завершила свой путь в Петропавловске.

Во время этого путешествия Сарычев весьма подробно и информативно описал такие явления камчатского быта и культурной жизни, как местные пляски, искусство управления собачьими упряжками, рыбную ловлю, познания камчадалов в свойствах трав и корней полуострова. Помимо всего прочего, Сарычев упоминал в разных местах своих записок о крайне бедственном положении местного населения. В некоторых посещенных им местах он не нашел практически никаких признаков цивилизации. Это касалось вопросов медицинского обеспечения, хозяйственного быта и ряда других сторон жизни. И все же, сравнивая Камчатку своего времени с той, которую описал С. П. Крашенинников, Сарычев должен был отметить известный прогресс. Почти все местное население было крещено, и дохристианские обряды оказались почти забытыми. Юрт и землянок практически не было видно, зато даже в самых малых острожках он находил русские избы. В некоторых местах камчадалы переняли образ жизни казаков.

Наряду с описанием климата, вулканов и других метеорологических и географических особенностей Камчатки, Сарычев весьма подробно сообщал о своем видении перспектив местной торговли: «По пространству Авачинской губы с побочными ее заливами, может в ней стоять на якорях спокойно многочисленный флот. Жаль, что эта превосходная, от природы устроенная гавань, находится в таких отдаленных морях, где нет российского флота, и чрез то остается без пользы. Но может статья, со временем будет она важнейшею и нужной пристанью, когда купечество наше обратит внимание на выгоды торговли с Китаем, Японией и прочими Ост-Индийскими селениями, и распространит мореплавание по здешним морям. Тогда Авачинская губа будет главным сборищем судов, отправляемых как за промыслами на острова и в Америку, так и для торгу в Ост-Индию: ибо в здешних морях, по всем берегам, принадлежащим России, нет удобнее и безопаснее места для пристани судов; почему и магазинны для складки товаров должны построены быть здесь» (1, с. 185). Доставка товаров из Авачинской губы выгодна для Российской империи, отмечал Сарычев, поскольку именно через нее водным путем лежит кратчайшая дорога до Большой земли. Кроме того, Сарычев выражал надежду, что когда-нибудь жители Камчатки озадачатся хлебопашеством, поскольку климат полуострова умеренный и для земледелия пригодный. В Ключевской деревне он заметил начатки земледелия, но понимал, что польза от него тогда не могла быть ощутимой и до того, чтобы его плоды стали предметом торговли, было еще далеко.

Экспедиция Биллингса избирала Петропавловск местом для своей зимовки, а затем приняла оттуда несколько радиальных плаваний. Из Авачинской губы она отправилась на исследование о. Уналашка, где Сарычев весьма подробно описал жизнь и быт алеутов, далее – на о. Кадьяк и ряд других близлежащих островов вплоть до американского побережья. По возвращении в Петропавловск экспедиция снова отправилась на Уналашку и далее до Охотска.

Таким образом, Сарычев, не отождествляя Петропавловск со столицей Камчатки, отчетливо указывал на то, что это самая удобная бухта, как для торговли с внешним миром, так и кратчайшего морского пути в Европейскую Россию. В период пребывания Сарычева на полуострове его административный центр оставался в Нижнекамчатске.

Г. И. Лангсдорфу (1774–1852) посчастливилось сдвинуть вопрос о переносе столицы полуострова в Петропавловск с мертвой точки. Он побывал на Камчатке трижды: с 3 июля по 25 августа 1804 г., до путешествия в Японию с посольством Н. П. Резанова, по возвращении из Нагасаки, с 5 по 14 июня 1805 г., а затем, после плавания в Русскую Америку и Калифорнию, зимовал на полуострове с 13 сентября 1806 по 14 мая 1807 г. Ученого сразу поразили контраст между убогим камчатским бытом и возможностями местной природы. В письме к академику Л. Ю. Крафту, написанном вскоре после даже беглого знакомства с полуостровом, а затем изданного в переводе с немецкого, Лангсдорф писал: «С отменным удовольствием устремил я в сие время первые мои взоры на сельские страны Камчатки. Удовольствие более и более увеличивалось при обозрении здешней окрестности. Здесь могли бы быть произведены самые прекраснейшие и плодоноснейшие долины. Естественных произведений здесь много, но несравненно более могло быть добыто через обрабатываемые земли. Первая потребность для сей страны состоит в том, чтобы более заселить оную и иметь добрых земледельцев, ремесленников и промышленников. Здесь вовсе не достает тех познаний, которые в просвещенном государстве служат к удовлетворению первых потребностей; как, например: весьма бы нужно завести здесь гончарную работу, кирпичные заводы, варение мыла и соли и иметь искусных людей в ловлении китов, в солении и сушении рыб и пр.; также весьма полезно бы устроить мельницы, обсушить болотистые места и проч. По изобилию различных физических предметов, здесь найденных, делаю уже я вообще заключение, что земля сия способна к большому усовершенствованию и заслуживает особенное внимание» (2, с. 157–159).

В опубликованном позднее описании своего путешествия Лангсдорф, подобно Сарычеву, отметил выгодное географическое положение Петропавловска: «Город расположен на реке в небольшой долине, в северной части бухты Авача... которая дает приют и защищает от всех ветров. На северной оконечности города находится большое пресноводное озеро. Дома небольшие, все построены из дерева. Как и во всех других частях русской империи, они сложены из стволов деревьев, находящихся один над другим. Гарнизон состоит из ста пятидесяти солдат, артиллеристов и казаков. Здесь живут, кроме того, комиссар американской торговой компании, и священник. Гавань, по свидетельству моряков, является одной из лучших в этом крае, и весьма вероятно, что за счет увеличения промышленности, и более активного общения с Китаем, Японией, Америкой, Алеутскими островами бухта Св. Петра и Павла, может со временем стать центром очень выгодной торговли и разрастись в процветающий и густонаселенный город» (3, р. 196). Как видим, описание Лангсдорфа очень схоже с впечатлениями Сарычева.

В то же время Лангсдорф неоднократно подчеркивал убогое состояние экономики края и тяжелое положение его населения. Являясь доктором медицины Геттингенского университета, он обратил внимание на удручающее состояние здоровья местных жителей, которые часто страдали от цинги и других болезней, для лечения которых возможностей на полуострове не было. Единственное, что оставалось камчадалам и казакам, это использовать средства народной медицины, которые ученый внимательно описал.

Лангсдорф обратил внимание и на угнетение, которому подвергаются камчадалы со стороны казачества, ибо законы Российской империи на Камчатке практически не действовали. Если среди местных жителей процветало пьянство, то среди казаков – вседозволенность и лихоимство.

Осенью 1806 г. Лангсдорф объехал расположенные недалеко от Петропавловска населенные пункты – Паратунку, Авачу, Начики, Малки, а в январе–марте 1807 г. совершил большое (протяженностью около 1 500 км) путешествие на собачьих упряжках по обитаемым местам Камчатки, посетив селения Ганалы, Пушино, Верхнекамчатск, Мильково, Толбачик, Козыревск, Ключи, Нижнекамчатск, Камаки, Харчино, Еловка, Седанка, Тигиль, Хайрюзово, Белоголовое, Морошечное, Воровское (ныне Соболево), Большерецк. Этот маршрут представлял собой огромное кольцо. Он проходил сначала по тихоокеанскому побережью полуострова, затем пересекал Срединный хре-

бет Камчатки и пролегал вдоль охотского побережья вплоть до исходного пункта – Петропавловска.

Во время путешествия Лангсдорф собрал огромный материал, касающийся природных условий, населения и экономики полуострова. Многие его удручили, особенно относительно населения – Нижнекамчатск, Тигиль, Большерецк. Он понял, что первый из перечисленных пунктов его маршрута, являвшийся тогда административным центром Камчатки, не может им более оставаться. Местоположение Нижнекамчатска было крайне неудобно для связи с Европейской Россией и невыгодно для торговли с внешним миром, и это в то время, когда о Петропавловске говорили не более чем как об «удобной бухте». Собранный материал явился для Лангсдорфа, в отличие от Сарычева, не столько констатацией горьких фактов, сколько побудительным мотивом действовать.

Если представить себе сложность задачи, которую стремился решить Лангсдорф, то нельзя не признать, что в то время она могла показаться практически невыполнимой. Примите во внимание буквально космическое расстояние между Петропавловском и Петербургом, преодоленное водным путем только в результате недавно осуществленного первого русского кругосветного плавания, крайне медлительную машину царского административного производства, занимавшие всеобщее внимание наполеоновские войны... Да и кем был тогда в России Лангсдорф, с огромным трудом упрямивший принять его на круизенштерновскую «Надежду» в Копенгагене и впервые вступивший на российскую землю... только на Камчатке?! Эти объективные трудности можно приводить до бесконечности. Однако в данном случае помогло невероятно удачное стечение обстоятельств, многие из которых носили сугубо частный характер. Наиболее примечательны из них, пожалуй, два.

Мать Лангсдорфа, Анна Катарина, в девичестве Кох, умерла в 1779 г., когда ему было пять лет. Между тем, ее брат (по всей вероятности, старший) доктор Кох (к сожалению, мы не знаем его имени), находясь на службе в одном из германских государств, продолжал заботиться о племяннике. Случилось так, что министр коммерции России (с 1802 г.) и параллельно (с августа 1807 г.) управлявший российским МИД Н. П. Румянцев в 1781–1792 гг. служил посланником при Майнцком, Кельнском и Трирском курфюршествах с местопребыванием во Франкфурте-на-Майне и в этот период познакомился с упомянутым доктором Кохом, а впоследствии, при его посредничестве, заочно, и с Лангсдорфом. Переписку с Румянцевым ученый начал как раз на Камчатке. А уже по пути в Петербург, находясь в Иркутске, Лангсдорф 25 октября 1807 г. отправил Румянцеву свою записку о возможных реформах на полуострове, прося представить ее Александру I (4).

Другое важное для Камчатки событие состоялось, когда Лангсдорф 11 декабря 1807 г. прибыл в Тобольск, резиденцию генерал-губернатора иркутского, тобольского и томского И. Б. Пестеля. Прослужив ранее 17 лет по почтовому ведомству, Пестель совершенно не знал Сибири, не говоря уже о Камчатке. Слушая рассказы Лангсдорфа о ситуации на полуострове, он задержал его у себя до 22 февраля 1808 г.

Таким образом, добравшись 16 марта 1808 г. до российской столицы, Лангсдорф был заслуженно признан там большим знатоком Камчатки. Он остановился в Петербурге на квартире астронома с «Надежды» И. К. Горнера, который писал И. Ф. Крузенштерну в Ревель: «В одном из следующих писем... он (Лангсдорф. – Ю. С.) сообщит вам о большом плане, который разработал для улучшения положения на Камчатке и который хорошо рекомендует генерал-губернатор Сибири Пестель, так что маленький Лангсдорф еще станет знаменитым губернатором» (5, с. 25). Определение «маленький», использованное Горнером, касалось тогда социального статуса Лангсдорфа в России, но отнюдь не означало, что ученый был коротышкой. Его рост составлял около 183 см. (Авт.)

Однако Лангсдорф был назначен не губернатором Камчатки, а, по рекомендации Румянцева, адъюнктом по ботанике в Петербургской Академии наук, где занялся главным образом обработкой своих камчатских материалов. Между тем, его иркутской записке дали ход, и был создан «Комитет для внутреннего устройства Камчатской, Охотской и Якутской областей» под председательством Пестеля, в составе Крузенштерна, Сарычева, тогда уже вице-адмирала, Лангсдорфа и лейтенанта Л. А. Гагемейстера. А 9 апреля 1812 г., всего за два с небольшим месяца до вторжения наполеоновской армии в Россию, Александр I утвердил положение «О преобразовании в Камчатке воинской и гражданской части, а также об улучшении состояния тамошних жителей и вообще тамошнего края» (6, с. 282–292). В нем были учтены многие рекомендации Лангсдорфа, в том числе столичный статус Петропавловска.

1. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год. Ч. I и II. СПб., 1802.

2. Выписка из письма Г. Лангсдорфа к академику Крафту о Камчатке // Технологический журнал. Т. II. Ч. II. С. 157–159.
3. *Langsdorff G. H. Voyages and Travels in various parts of the world, during the years 1803, 1804, 1805, 1806 and 1807.* London, 1813–1814.
4. *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К.* Неизвестная рукопись академика Г. И. Лангсдорфа о Камчатке. К 200-летию со дня рождения ученого // Страны и народы Востока. Вып. XVII : Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3. М., 1975. С. 97–118.
5. *Комиссаров Б. Н.* Роль Г. И. Лангсдорфа в становлении Петропавловска как столицы Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000.
6. ПСЗРИ. Т. XXXII. СПб., 1830. С. 282–292.

Н. А. Татаренкова ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТОПОНИМОВ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ

Основная часть современных топонимов сформировалась в конце XIX в., более ранние нововведения и поздние дополнения были незначительными. Карт с изображением Командорских островов первой половины XIX в. сохранилось немного. В настоящей публикации проводится анализ только двух из них: «Плоская карта части о-ва Беринга 1827» сочинения лейтенанта Завалишина (38) и «План гавани и бухты при острове Медном», сочиненная во время плавания на боте «Сивуч» мореходом Андреем Ингестромом (40), остальные менее информативны. Начиная с середины XIX в. появляются более качественные, постоянно уточняющиеся, детализированные карты островов с указанием высот и промерами глубин. Значительный вклад в развитие картографии внес бывший главный правитель Русской Америки (1845–1850 гг.) капитан 1-го ранга Михаил Дмитриевич Тебеньков (27, с. 524), организовавший в годы своего правления несколько исследовательских экспедиций. В 1852 г. на базе многолетних гидрографических исследований им был составлен знаменитый «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриентес и островов Алеутских. С присовокуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии».

Многие исследователи и государственные чиновники конца XIX в. пользовались картами Зандмана. Являясь агентом торгового дома «Гутчинсон, Кооль, Филиппеус и К^о» и капитаном ходившего под российским флагом парохода «Александр II» (корабль находился в собственности Компании) (21, с. 10, 538), гражданин Соединенных Штатов Иван Зандман (Sandmann) сам лично проводил астрономическую съемку координат о. Медного, в то время как большая часть директивных точек для о. Беринга была определена ранее служащими Российско-Американской компании (3, с. 96). Анализ очертаний береговой линии о. Беринга дает основание утверждать, что в основу карты Зандмана легли промеры из «Атласа...» Тебенькова, хотя контуры не идентичны. Иван Зандман составил всего две карты Командор: одну – меньшего масштаба, включающую оба острова, и другую – большего, только для о. Медного. Обе карты он охотно давал копировать. Первую копию снял мичман клипера «Стрелок» Н. Н. Беклемишев, увеличив ее таким образом, что английский дюйм стал равен 5 верстам, и добавив некоторые подробности, которые сообщил ему управляющий Командорскими островами Н.А. Гребницкий. Карта была опубликована в «Сборнике Главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью» 1882 г. (48). Вторую копию сняли офицеры клипера «Вестник», третью – крейсера «Африка». На базе карты Зандмана составлял свои отчеты доктор Бенедикт Дыбовский – еще одна дополненная версия приведена в его монографии «Wyspy Komandorskie» 1885 г. (3). Дыбовский стал первым исследователем, посвятившим топонимике отдельный раздел своего доклада. Существенные уточнения береговой линии сделал Леонард Стейнегер, его перу также принадлежит нанесение на карту целого ряда топонимов (5; 6, plate IV, V). Первая публикация Стейнегера вышла в 1885 г., одновременно с докладом Дыбовского. Трудясь автономно, они являлись скорее оппонентами, нежели соратниками. Тем ценнее высокий уровень соответствий на составленных независимо друг от друга картах.

Некоторые интересные дополнения внес на карту Стейнегера изучавший в 1903 г. геологические формации островов Юзеф Морозевич. К сожалению, в настоящий момент в нашем распоряжении имеется лишь одна читаемая карта – о. Беринга (2), а также несколько страниц из монографии «Komandory. Studium geograficzno-przyrodnicze» 1925 г. выпуска. В Архиве Военно-Морского флота хранится несколько карт конца XIX – начала XX в. Наибольший интерес представляют «Карта Ко-

мандорских островов» 1895 г. (берег и рифы взяты с карты издания 1883 г., а глубины – по промеру, произведенному крейсером «Забияка» и транспортом «Якут» в 1893 г.) (41) и «Командорские острова» 1914 г. (составлена в 1898 г. по морской съемке крейсера «Забияка» в 1894 г.) (42). Последняя малоотличима от современных. Довольно точные карты использовали Е. К. Суворов (52) и В. К. Арсеньев (11), они практически идентичны. В настоящее время на Командорских островах пользуются главным образом километровыми картами Генштаба, составленными на базе съемки 1951 г. и обновленными в 1986 г. (система координат 1942 г., издание 1988 г.).

Анализ бытовавших в различное время топонимов и мотиваций нанесения их на карту позволяют отследить как некоторые исторические приоритеты, так и особенности природопользования на островах. Настоящая публикация не ставит своей задачей охватить все существовавшие и существующие на сегодняшний момент названия. Речь пойдет, скорее, о выявлении основных тенденций и попытке воссоздать общую историческую картину.

В период Российско-Американской компании на картах появились названия, посвященные членам команды Второй Камчатской экспедиции: м. Юшин, м. Ваксель, м. Хитров (он же Толстый). При этом размещение объектов носит спонтанный, чисто символический характер и никак не связано с особенностями освоения острова в 1741–1742 гг. К примеру, из дневников Стеллера следует, что м. Вакселя открыл Юшин, а к м. Юшина ходил Алексей Иванов (51, с. 125, 195, 196). Остальные топонимы середины XIX в. отражают в основном геофизические особенности местности (Риф, Северо-Западный, Перешеек, камень Подводный, камень Половинчатый) или характер эксплуатации (Камень Арий (Сивучий), Топорков, Дровяная, Старая Гавань).

Несколько географических объектов утратили былые названия. Так, бух. Дровяная стала называться Перегребной, появлением нового топонима остров обязан публикации Гребницкого (1882). На ранних картах оз. Саранное обозначено как оз. Федосьи (30, с. 77; 41). Примечательно, что бухта Саранная упоминается еще в 1834 г. в записках Иакова Нецветова (7, р. 36). В окрестностях озера в достаточном количестве произрастает рябчик камчатский, или саранка (*Fritillaria camschatcensis*), клубни которого использовались населением в пищу. Если учесть, что изобилующее рыбой озеро было обнаружено еще в 1745 г. казаком Расторгуевым, логично предположить, что имелись и другие названия. В то же время топоним «Саранное» был очень распространен на территории Русской Америки: островок у берегов Аляски, бухты на о-вах Акутан, Атка (1, р. 590), Атту (45, с. 167, 251, 263).

Также хочется упомянуть о двух утраченных названиях «Плана гавани и бухты при острове Медном» (40), составленный мореходом бота «Сивуч» Ингестромом. Штурман Андрей Иванович Ингестром посещал Командорские острова в начале лета 1830 г., подробнее поход описан в «Записках» священника Иакова Нецветова (7, р. 34–40; 55, с. 69). На плане изображена Преображенская гавань: группа скал перед входом в бухту подписаны «Брек ватер», а протекающая через селение речка (совр. р. Гаванская) – «ручей Стикс». Очевидно, столь экзотическое название дали реке не жители селища, среди которых подавляющее большинство составляли вывезенные недавно с о. Атту алеуты, и не их начальник – иркутский мещанин Иван Курмачев, а некто на судне. Дело в том, что по левому борту речушки располагалось селение, по правому – кладбище. Таким образом, чтобы попасть в «царство мертвых», было достаточно перейти ручей. Больше этот топоним не встречается нигде, а название Брек ватер со временем перешло в разряд нарицательных.

Проведенный анализ более поздних топонимов показал, что подавляющее большинство было впервые нанесено на карту о. Медного управляющим Командорскими островами Николаем Гребницким (1882), в то время как на карту о. Беринга – окружным врачом Бенедиктом Дыбовским (1885). Одновременно с Дыбовским некоторые топонимы опубликовал в публицистической статье «Под парусом вокруг острова Беринга» Леонард Стейнегер (5). Примечательно, что оба автора впервые использовали не только русские, но и алеутские названия, но лишь один из них – Б. Дыбовский – посвятил топонимике отдельный раздел своей монографии.

Учитывая исследовательскую скрупулезность обоих приезжих ученых, работавших не столько с чиновниками, сколько с алеутским населением, а также высокий уровень соответствия опубликованным ранее данным управляющего, можно сделать вывод, что большая часть приведенных топонимов, действительно, бытовала на островах в указанный период и не была сочинена искусственно. В то же время малый процент алеутских слов может свидетельствовать либо об укorenившейся традиции (первые переселенцы были русские), либо, что более вероятно, о существовании множественных параллельных обозначений на русском и алеутском языках. Такой разброс является нормальным и ожидаемым для недавно освоенной территории: первая группа алеутов была завезена на Командоры всего лишь за 60 лет до составления рассматриваемых карт (около 1823 г.).